

торский»: «Вот уже десять лет передо мною носятся разрозненные части этой повести, и в начале революции кое-что попало в печать.

Но читателю лучше забыть об этих версиях, а то он запутается в том, кому из лиц какая, в окончательном розыгрыше, досталась доля. Часть их я переименовал; что же касается самих судеб, то как я нашел их в те годы на снегу под деревьями, так они теперь и останутся, и между романом в стихах под названием „Спекторский“, начатым позднее, и предлагаемой прозой разноречья не будет: это — одна жизнь» [1, с. 136].

Сосуществование различных «версий» одного сюжетного инварианта необходимо учитывать при изучении творческой истории любого пастернаковского текста. При этом «точечный» сюжет лирического стихотворения, воспроизводящего один фрагмент события, может оказаться связующим звеном между двумя на первый взгляд никак не соотносимыми друг с другом произведениями.

Покажем это на примере романа «Доктор Живаго». Связь стихотворения из сборника Юрия Живаго «Осень» с повествовательным сюжетом романа несомненна — воспроизводится эпизод из части 14 романа («Опять в Варыкине»), когда Юрий и Лара оказываются на лесной даче после отъезда семьи Живаго в Москву. Однако с такой же, если не большей, несомненностью сюжет этого стихотворения соотносится с 1-й и 2-й главами фрагмента «Начало прозы 1936 года» («Начало романа о Патрике»). Сюжетная ситуация: двое на даче после отъезда семьи и тема любви-гибели намечается в этом фрагменте как близкое будущее героев повествования. Во 2-й главе речь идет о том, что семье героя необходимо уезжать из уральской дачной усадьбы в Москву, между тем как гостившая на даче Евгения Викентьевна Истомина лишена возможности вернуться в город и не собирается дачу покидать. Сравним:

«— Поговори с ней, — попросил меня Александр Александрович. — Не брать же ее, в самом деле, с собою в Москву.

Я не помню ее ответа, так памятно мне, что его-то я при этих обстоятельствах все равно что не получил. Может быть, она сказала, что собирается стеречь дачу, если мы ее не гоним, но готовность прозимовать одной с ребенком в оглашаемом волками и заметенном выюгами лесу — какой же это был ответ? Жаль, не прибавила она, что одна не останется и защитники у ней найдутся.

Я передал разговор Александру Александровичу и сказал, чтобы они ехали, а я задержусь еще немного на мельнице, чтобы дописать статью <...>: когда же помогу Евгении Викентьевне приискать угол в Юрятине, вернусь домой с готовой статьей — по моим расчетам в ноябре или, во всяком случае, не позже его исхода.

Здесь не было задней мысли. Таковы были мои истинные намерения. Никто в этом не сомневался. Но родные оказались дальновиднее. Они приняли мое решение с большой тревогой, точно знали наперед, что случится, и стали меня от него отговаривать. Разговоры оканчивались общими слезами. Но я не сдавался. Отъезд пришлось отложить на несколько дней, после чего его больше не отменяли» [1, с. 290].

Сходство сюжетных ситуаций не нуждается в комментарии. Совпадает и хронотоп: осень, лес, сторожка и характеристика мироощущения героев. Ср.: «Мы будем гибнуть откровенно» — «Истомина единственная из нас была человеком с откровенно разбитой жизнью. Она всех полнее отвечала моему чувству конца» [1, с. 300]. А при сопоставлении эпизодов «Доктора Живаго» и «Начала прозы 1936 года» обнаруживается и совпадение имен родных героя: тесть — Александр Александрович, жена — Тоня, сын — Шура. Не совпадают — и это совершенно понятно — лишь имена главных героев.

Итак, стихотворение «Осень» оказалось точкой пересечения двух повествовательных сюжетов — романа «Доктор Живаго» и «Начала прозы 1936 года». Но героиня «Начала прозы» — не кто иная, как подростящая